

Юрий ДЮЖЕВ

Юрий Иванович ДЮЖЕВ родился в 1937 году в Ленинградской области. Литературовед, критик, автор нескольких книг и многочисленных статей по русской советской литературе. Доктор филологических наук. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

“НАС ВЫСЛАЛА ВЕЧНОСТЬ, ВСКОРМИЛА ИЗБА”

В поэме “Звездный корабль”, датированной 1915–1916 годами, Алексей Ганин от имени своего поэтического поколения писал: “Мой голос — Судьба. Нас выслала Вечность, вскормила изба”.¹

“Судьба — Вечность — Изба” в разных вариациях встречаются в поэзии Ганина и образуют тот понятийно-философский треугольник, который содержит в себе и авторское предвосхищение ожидаемых трагических вариаций судьбы, и волнующее чувство приобщения — через поэзию — к вечности, и сыновью благодарность родной северной деревне.

Алексей Алексеевич Ганин родился 28 июля (по новому стилю — 9 августа) 1893 года в деревне Кошшино бывшего Кадниковского уезда Вологодской области в крестьянской семье. Его отец, Алексей Степанович, был лучшим печником округа и уже с восьмилетнего возраста стал приучать сына класть русские печи. Земли было мало, и многодетной семье (пять сестер и два брата) приходилось рассчитывать только на золотые руки родителей и на свое трудолюбие. Алексей Степанович, помимо кладки печей, шил сапоги, сеял коноплю и вил веревки, долбил из осины корыта. Мать искусно плела вологодские кружева. Родители искренне любили своих детей: о доброте отца, матери, бабушки и деда Алексей Ганин всегда вспоминал с душевной теплотой.

После окончания земского училища в селе

Усть-Кубенском Алексей переехал в Вологду, где окончил местную гимназию. Поэтический талант проснулся рано, и уже в одиннадцатилетнем возрасте Ганин почувствовал страсть к стихосложению. Поэзией он продолжал увлекаться и в Вологодском медицинском училище, где в 1914 году получил диплом фельдшера. “Студенческие” стихи Ганина публиковались в вологодских газетах.

Свои надежды на будущее молодой Ганин связывал не с медициной, а с поэзией и хорошо понимал, что провинция — не лучшая среда для развития его таланта.

Два датированных 1915 годом стихотворения Ганина “Утро” и “Лесные купели” указывают на близость молодого поэта к традициям русского романтизма и в первую очередь к поэзии его знаменитого земляка Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855). Многие стихотворения этого “сильного и самобытного таланта” (В.Г. Белинский) овеяны тоской по утраченному, сознанием скоротечности жизни. И лишь “отечески пенаты” возрождают в Батюшкове вкус к жизни, поэтическое вдохновение.

Есть некая перекличка между посланием К.П. Батюшкова к Жуковскому и Вяземскому “Мои пенаты” и стихотворением Ганина “Утро”. Приглашая читателя в свою “обитель”, Батюшков рисует “хижины убогие”, “утвари простые”, но вся эта “рухляя скудель” не смущает поэта. Он уверен, что не в “богатстве суетой” счастье, а в приобщении к истории предков, о которых напоминает висевший на стене “меч прадедов”; в творческом озарении, которое вспыхивает в душе поэта на фоне дивной красоты северного края (“и все любовью дышит среди полей моих”). Стихотворение Ганина “Утро” тоже

¹ Ганин А.А. Стихотворения. Поэмы. Роман. /Сост., предисл., комментарий С.Ю. Куняев. С.С. Куняев. — Архангельск. 1991. С.146. В дальнейшем тексты произведений Ганина цитируются по этому изданию.

начинается с упоминания о “нечальном и убогом” крае, где довелось родиться поэту и к которому он прикипел “любовью светлой и нездешней”. Если Батюшков, обращаясь к “отеческим богам”, благодарит их за то, что здесь, на родине, его так часто посещает “добрый Гений поэзии святой”, то в унисон ему Ганин выражает признательность Создателю, который “затеplit свечи чудотворные, поставил зори-образа” и пробудил в поэте “орлицу-мысль”.

Романтизм Батюшкова и раннего Ганина вырастает на почве идеалистического раздвоения мира на добро и зло, фаталистической предопределенности судьбы, ухода от реальной жизни в нравственные и религиозные искания. По Батюшкову, на душу поэта особым образом воздействует природа. Таковы элегии самого Батюшкова, герои которых уверены, что “есть наслаждение и в дикости лесов”. Таковы многие ранние стихи Ганина и его поэма “Звездный корабль”, насыщенная, как и у Батюшкова, почерпнутыми из мифологии и фольклора образами, историческими и легендарными мотивами.

Лирический герой поэмы “Звездный корабль” — романтик, разочаровавшийся в жизни, страдающий от безотрадности настоящего и будущего (“Земля, Земля, я сири и наг, мне опостыдел плен твой белый”). Его настроение окрашено печалью и грустью, ему тяжело нести “души распятой бремя”. Он тоскливо блуждает по “полям и даям” в напрасном поиске “невчего следа любимой”. Лирические медитации ганинского героя связаны прежде всего с размышлениями над обширными вопросами бытия, осознанием своего бессилия перед бесконечностью природы. Лирический герой ждет “предвечную Весну”; он слышит “о вечной сказке — вечный крик”; вкушает “очами предвечную тайну”; смиренно склоняется “пред Вечным”. Поэт мечтает жить в разумном и свободном мире, где властвует справедливая, истинно человеческая точка зрения, но сокрушительные жизненные обстоятельства ломают все его надежды, “и снова горькая слеза тянула в нищие долины”.

Тема вечности философски взаимосвязана с темой судьбы, с предвосхищением трагических испытаний, предвидения близкой смерти. Словно предчувствуя, что ему осталось жить и творить всего лишь краткий миг вечности, Ганин в “Звездном корабле” рисует зловещую картину гибели Добра и победы Зла, когда “меж певучих знаков тел” будет ходить “жен в одежде черной”, когда “будут дни, как Ночь, от многих солнц узорны”.

Трагические и теньевые стороны бытия Ганин изобличает в присущих поэтам-романтикам ораторско-декламационных обращениях (“Земля, Земля, раскуй мне цепь”; “Внимайте, Народы...”). Умонастроению поэта близок мир религиозных образов, народ-

ных легенд и поверий (“И вышел Ангел в златожарных латах”; “Выросло вмиг Золотое Древо”; “И Жар-Птицы, сестры мои огневые, стадами из мрака к плодам летели”).

Продолжая в русской литературе европейского Севера то направление, которое было начато и заявлено Батюшковым, Ганин углубляет его в духе “крестьянских” поэтов начала XX века (С.Есенин, Н.Клюев, С.Клычков, А.Ширяевец), и это касается прежде всего постановки проблемы противоречий между городом и деревней. Схватка добра и зла в поэме “Звездный корабль” оборачивается войной природных сил против “черного Города”. Уродливому развитию городской цивилизации Ганин противопоставляет жизнь селян на лоне природы, когда “в долине пахарь-Дед разливает реки-поедуи в голубых устах земли весенней”. В поисках воли лирический герой мечтает убежать “в златогрибое поле ветрами и солнцем дышать”.

В ранних стихах и поэме “Звездный корабль”, датированных 1915—1917 годами, Ганин-романтик испытывает сильное влияние декадентско-символистской поэзии, когда пессимизм становится преобладающим мотивом безотрадного существования лирического героя, а предчувствие близкого крушения миропорядка рождает картины “страшного мира”. О подражательности ранних стихов поэта говорит и лексический ряд, которым оцирирует автор: тоска неизяснимая, плененный дух, молящийся взгляд, горящие думы.

Ганину предстояло избавиться от готовой романтической фразеологии, от абстрактной патетики, от литературных штампов, и ему удалось это сделать в сжатые сроки. Лицо ганинской поэзии, направление и характер творческих поисков в корне изменили бесславное завершение первой империалистической войны, события февральской и Октябрьской революций 1917 года. Испытав на своей судьбе потрясения общественной жизни, увидев горе и страдания простого народа, Ганин решительно освобождается от риторики и деклараций, от усложненности символики и обогащает поэтическую речь живым разговорным языком, мотивами и образами родины, деревни, природы.

Благоприятствовало такой эволюции поэта и расширение круга его писательских знакомств, активное вхождение в бурно развивающуюся в те годы литературную жизнь России. Ганин настойчиво пытается пробиться на страницы столичных газет (и ему это удается), журнала “Северные записки”. Его хождения по редакционным коридорам совпадают с приездом в Петроград в марте 1915 года Сергея Есенина. С.Есенин вводит Ганина в круг своих знакомых, среди которых Николай Клюев, Пимен Карпов. С.Есенин прощает Ганину горячность и запальчивость в спорах, понимая, что все это идет от не-

конно присущего русскому человеку правдоискательства. "Сидел тут еще Ганин, — писал С. Есенин Н. Клюеву из Царского Села в июле-августе 1916 г. — У его, знаешь, п рот перекосился совсем от заевшей его пустой и ненужной правды. Жаль его очень, жаль потому, что делает-то он все так, как надо, а объясняет себе по-другому".

После демобилизации из армии в июне 1916 года Ганин на время возвращается в деревню, работает на волостном фельдшерском пункте, помогает родителям по хозяйству. Семья живет скромно: земли всего четыре надела, лошади нет, своего хлеба хватает до декабря. Спит Ганин в мезонине, где на многих полках стоят книги. Среди них отцовский Псалтырь; подаренное священником при окончании Усть-Кубенского училища Евангелие; художественные произведения классиков русской и зарубежной литературы; книги по философии и политической экономии (по воспоминаниям сестер поэта).

Закончив обход крестьянских изб, оказав помощь страждущим, Ганин возвращался к себе в мезонин, читал книги, писал стихи. Тема войны и мира оказывается определяющей для поэта, только что скинувшего солдатскую шинель. Стихотворение "Сойди, сойди огнем, Рассвет" (1916) насыщено предчувствием Апокалипсиса ("От рева Бурь и Битв шатаются Кресты"). В видениях поэта встают страшные картины людских страданий, когда "сгинет семь колен в морях своей крови". Начав стихотворение обращением к Рассвету, поэт в последней строке акцентирует внимание на трагичности ситуации ("Мы песней вскинем Скорбь"). Солнечный рассвет, обычно означающий возрождение жизни, трансформируется в неожиданный образ людской Скорби по утраченному надеждам, порушенным судьбам.

Уйти от скорбных воспоминаний Ганину помогает родная природа, отчий дом, вера в Бога и в свое призвание. Стихотворение "Певучий берег" (1916) пронизано счастливым настроением человека, обретшего родину. Лирический герой видит себя звеном бесконечной цепи предков: седобородый Дед ведет любимого внука "по зорнему следу сенокосить на божьи луга"; встает в небе серебряной луной ушедшая в иной мир бабушка, чтобы "на избу, на внука-Буяна заглянуть в вырезное окно". В "Певучем берегу", одном из лучших стихотворений Ганина, реальные приметы бытия причудливо сочетаются со сказкой: сон переплетается с явью; фольклорные образы удачно подчеркивают порыв чувств обретшего родину странника. Поэтическое вдохновение, которое Ганин сравнивает с "огненным" конем, прочно поселяется возле отчего дома стихотворца.

"Деревенские" стихотворения Ганина насыщены лирическими пейзажами Севера.

Поэту достаточно двух-трех выразительных штрихов, чтобы нарисовать в стихотворении "Предутрие" картину русского северного приволья:

По скатам и холмам горбатые деревни,
Впивая тишину, уходят в глубь веков.
Разросся темный лес, стоит
как витязь древний —
В бровях седые мхи и ключья облаков.

Более всего поэту удаются осенние пейзажи, когда природа уходит на покой. Это настроение предзимья точно передано в стихотворении "В нагих полях бредет в сермяге День", где каждая строка содержит талантливо вылепленный художественный образ:

Стволы, шершавя, призрачно скрипят,
В припадке грусти мечутся вороны.
Далекий бор осунулся, зазяб.
От стужи в кудрях поносила хвоя.

Поэт мастерски сочетает звуковые и зримые образы, соединяет дальнюю перспективу с укрупненным рассмотрением деталей, и все это создает картину угасающей природы, уходящего на покой Дня, похожего на седобородого крестьянина. Но, как это всегда было присуще старшему крестьянскому поколению, старик-День сохраняет доброе отношение к жизни:

Отходит День и тучей-рукавом
Кому-то машет в ласке запоздалой.

Собирательный образ деревни и ее жителей у Ганина очень близок той гармонии жизни села, которая составляет суть есенинских стихотворений. Ганин не только дружил с Есениным, но и разделял его идейно-эстетические взгляды, основанные на гуманности отношения к миру, бережном восстановлении традиций русской классической поэзии XIX века. Как нитка за иглой, так и Ганин кочевал вслед за Есениным по различным неонародническим группам и вскоре оказался в сфере влияния деятеля левозеровского движения Р. В. Иванова-Разумника, лидера группы писателей и деятеля искусств "Скифы" (1917—1918), заявившей о себе двумя одноименными сборниками. В группу, кроме Есенина и Ганина, входили А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, Е. Замятин, П. Клюев, П. Орешкин, М. Пришвин, А. Ремизов, А. Чапыгин и другие.

Иванову-Разумнику (исведомим Разумника Васильевича Иванова, 1878—1946) Ганин посвятил написанную в феврале 1918 года поэму "Облачные кони", и это само по себе говорило о большой увлеченности поэта идеями известного критика, публициста, историка русской общественной

мысли, который был характерным выразителем “неонародничества”.

Поэма Ганна “Облачные кони” написана в традиционном для его круга осмыслении революции, в духе национальной, “восточной” стихии. Революцию он уподобляет “облачным коням”, что вышли “на склоны пастбищ голубых”, чтобы сразить двуглавого дракона, поднявшего “факелом кровавым над миром огненный язык”. После того как израненный, глухой дракон, олицетворяющий самодержавие, утопает в бездне, на земле утверждается счастливая, мирная жизнь. “Под чудодейственным конским взором” преобразаются поля и пустыни, “исчезла навсегда тревога”, возрождаются надежды на лучшее будущее:

Воскреснувшие птицы-души
Плывут под сень своих крестов.

Религиозная символика “облачных коней” Ганна тождественна многим стихотворениям Есенина революционной поры и в том числе поэме Есенина “Преображение”, посвященной Иванову-Разумнику и датированной автором в сборнике “Ржаные кони” ноябрем 1917 года. Революционную стихию у Есенина тоже олицетворяет бегущая по тучам кобылица.

Такая близость национально-религиозной окрашенности образов, преобладание радостных и кротких песнопений в честь рождающейся жизни, стремление к первоначальному слову объяснялись не только общим взглядом на искусство, но и еще более окрепшими дружескими отношениями, частыми встречами, которые порой превращались в литературные диспуты. В воспоминаниях бывшей видной деятельницы эсеровского движения Минны Свирской рассказывается, как Есенин и Ганн в 1917 году нередко появлялись в редакции эсеровской газеты “Дело народа” и, обсудив текущие дела, вместе с Зинаидой Райх и самой Минной отправлялись бродить по Петербургу.

Во время одной из таких прогулок Ганн прочитал свое стихотворение “Русалка”, которое посвятил “З.Р.” Так открылась его сердечная тайна — глубокое чувство к Зинаиде Райх, сопряженное с нескрываемой ревностью к Есенину, тоже увлекшемуся молодой красавицей. Ганну же, большую часть времени проводившему в деревне, оставалось лишь пенять на женскую забывчивость:

Она далеко, — не услышит,
Услышит, — забудет скорей;
Ей сказками на сердце дышит
Разбойник с кудрявых полей.

Листок бумаги с рукописным текстом стихотворения Ганна “Русалка” Зинаида Райх

хранила многие годы; но тогда, летом 1917 года, она отдала предпочтение “разбойнику с кудрявых полей” Сергею Есенину. 4 августа 1917 года Ганн был поручителем со стороны невесты при бракосочетании С.Есенина и З.Райх в вологодской церкви Кирика и Улиты.

Обе революции 1917 года Ганн воспринял спокойно, без какого бы то ни было восторга. Крестьянского сына не могли увлечь мечты радикальной интеллигенции осуществить идеи свободы, равенства и братства при помощи насилия. Если большевики отрекались от Христа, то Ганн никогда не отвергал идеи христианского гуманизма. Если верные ленинцы проповедовали классовую борьбу, то Ганн всегда сохранял сознание священности любой жизни. В его личной библиотеке были в том числе и труды корифеев материализма, но он сам всегда выступал за сохранение духовных ценностей. В отличие от радикального крыла интеллигенции, защищавшего интернационализм, Ганн продолжал любить родную русскую культуру. Чем более Ганн наблюдал развертывание кровавой драмы на просторах России, тем сильнее им овладевала жажда братского прощения и примирения. В датированном 1917—1918 гг. стихотворении “Гонимый совестью незримой” автобиографически воссозданы переживания поэта, который вернулся на родину, “чтоб полюбить, прощая всех”, чтобы среди родных полей и лесов вылечить израненную душу, “от Зла и каменного воя... сердце схранить”:

Но кто-то дико заглумился
Над сном и сказкой вековой.
И новым перстнем обручился
Я с той же скорбью полевой.

Опять над Русью тяготеет
Усопци княжичий недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных, узорных дуг.

Все происходящее в современной ему России напоминает поэту времена ханской орды и “смутного” времени разинского бунта. Он глубоко опечален, что “днем и ночью грозно пляшут Огонь и Смерть в краю родном”, что происходит массовое уничтожение исторических памятников и икон, срывание крестов с оскверненных церквей (“сорвали ризы парчевые твои неверные сыны”). Глубоко религиозный человек, Ганн понимает, что свобода, под флагом которой прошел 1917 год, имеет основание не в призывах большевиков беспощадно уничтожать эксплуататоров во имя земного рая, а в христианском откровении о человеке, носящем в себе образ Бога, свободного Творца Вселенной. В стихотворении “Заря в грозе. Помедли, путник

смелый" поэт обращается к тем, кто вышел строить новую Россию с самыми лучшими намерениями ("Был чист их лик и вера горяча"), но чей "ревнивый пыл" и бешеное желание "в пути огонь Отнов развезть" лишь привели к всеобщей беде, к материнским слезам, к испепеляющей Грозе. И обращаясь ко всем, кто готов идти до конца, кто во имя стремлений мифического пролетариата отрицает христианскую этику, поэт призывает:

Войди под кров. У радостной Божницы
Сложи поклон о всех, кто сир и мал...

На глазах Ганнина разрушалась нормальная жизнь страны. Россия сползала в хаос, рожденный первой империалистической войной. Страну охватило всеобщее ожесточение. Прозношел крах моральных норм, той системы ценностей, на которой ранее держались общественные связи. Политика большевиков, направленная на воплощение в жизнь социально-экономической утопии, на уничтожение мелкотоварного производства, изъятие у крестьян прибавочного продукта путем продразверстки, способствовала разрастанию конфликта и привела к гражданской войне. Ее ножар охватил и европейский Север, где в Мурманске и Архангельске высадились войска Антанты. Начались бои в непосредственной близости от родных мест Ганнина. Поэт достает диплом фельдшера и в 1918 году вступает добровольцем в Красную Армию, чтобы помочь тем, кто "сир и мал". Его видят в Краснорском военном госпитале на Северной Двине, в военно-санитарном управлении Котласского района.

Особенно тяжелыми были условия работы на Пинежском участке, откуда из-за удаленности трудно было эвакуировать больных и где остро не хватало медикаментов. На Пинеже Ганнин встретил свою будущую жену: эстонку Гильду (в семье Ганнина ее звали Галей), которую выселили сюда из Эстонии. У них родилась дочь Валя. "Жене Гале" Ганнин посвятил небольшую поэму "Честь, богатство, и слава, и власть", где на высоте своего чувства заверил любимую, "что из сердца любовь даже смерть не умеет украсть". Себя поэт изобразил в поэме в образе древнерусского воина, со шитом и колчаном отправляющегося в бой с "вражьей ордой", а жену — в образе возлюбленной, что "у печальных расстань билась чайкой от черной разлуки". Судьба обоих героев поэмы печальна: погибает в борьбе "за вольную волю" Возлюбленный, разрывается от печали девичья душа. А весной к поросшему травой-муравой холму "из стеней, от Любезного Милой ворон алое сердце принес". Попытки мистическим чувством предвидения человеческих судеб нужно обладать, чтобы с

такой прозорливостью предсказать будущее: ведь после гибели Ганнина его жена уехала в Эстонию и умерла там в 1937 году, а через четыре года скончалась и дочь Валя. Прав оказался поэт, когда в посвященной жене поэме скорбно сетовал:

Жить легко,
еще легче пропасть...

Христианское мироощущение Ганнина не могло воспринять ни жестокость красных, убивавших ради воплощения в жизнь идей Ленина, ни жестокость белых, действовавших из убеждения, что в стране, построенной на ленинских принципах, погибнет все, что они считали нужным взять из России старой в Россию новую. Выполняя все задания и поручения со старанием и настойчивостью, Ганнин тем не менее так и остался беспартийным. В своем творчестве он недвусмысленно выступил против превращения террора в государственную политику, против беспредела, воцарившегося в России в гражданскую войну, против торжества "лабазников" и "палачей":

Кто будет выбивать лабазнику медали
И строить палачам для завтра мавзолеей?
Отныне алтарей, всех библлий
и скрижалей
Священней во сто крат упругая мозоль.

Эти строки из поэмы "Мешок алмазов" дают зримое ощущение, какими представлял Ганнин итоги русской революции и гражданской войны: утверждение авторитарной власти большевистской партии, кризис гуманизма, беспощадное подавление демократических ценностей, насилие по отношению к церкви и духовенству.

Поэт но-прежнему считает литературу своим призванием, но все его попытки издать книгу стихов ни к чему не приводят, хотя на литературных вечерах имя его упоминается в ряду уже ставших известными таких поэтов, как С.Есенин, П.Клюев, П.Орешин, С.Клычков. Так, 20 февраля 1918 года Ганнин выступает на вечере в столовой Технологического института вместе с С.Есениным, о чем делает пометку в своих записях А.Б.лок.

По-прежнему находясь в зоне притяжения есенинского таланта и полностью доверяя другу, Ганнин примыкает к возникшему в 1919 году литературному течению имажинистов (С.Есенин, Р.Пивнев, А.Мариенгоф, В.Шершеневич и др.), которые декларировали самоценность слова-образа и выступали против политической ориентации искусства в послеоктябрьский период. Московское товарищество "Див" выпустило в 1920 году второй сборник имажинистов "Конница бурь", куда вошли произведения Алексея Ганнина, Сергея

Есенина, Анатолия Мариенгофа. Один экземпляр сборника Ганни подарил Вологодской публичной библиотеке 25 июня 1920 года.

Для жившего в сельской глубинке Ганшина вхождение в сообщество имажинистов имело весьма условный характер и определялось, в первую очередь, поступком С.Есенина, но своим соображениям подписавшего платформу московской поэтической богемы и потянувшего за собой друга из Вологды.

Но хотя союз Ганнина с имажинистами был непродолжительным, он явился естественным движением поэта в сторону тех, кто восставал против эстетических принципов Пролеткульта, против творческой практики оседлавших классовые позиции писателей-самоучек, против кастовой замкнутости революционно-пролетарской поэзии. Словообраз для Ганнина было огромной ценностью, и в своем художественном поиске он нередко экспериментировал, обновлял словарь, искал разные принципы отбора изобразительных средств. Отсюда полярная противоположность разных поэтических циклов, принадлежавших перу Ганнина: с одной стороны, характерные для неоромантизма темы и мотивы отрицания всего обыденного и прозаического, обращение к иррациональному, сверхчувственному, “раздвоенность” рефлексирующего творческого сознания, а с другой — реалистическое постижение деревенской жизни, осознанное устремление к пушкинской ясности и точности в раскрытии нравов и духовного мира русских людей.

Поэму “Мешок алмазов” отличает характерный для романтических произведений выбор героя-изгоя, отчужденного от “светлого соблазна” мирской суеты, “сверхчеловека”, которому подвластны силы космоса (“И солнце, и луна платят дань всечасно”). Он одновременно велик и ничтожен, преисполнен желанья изменить несчастливый для землян ход истории — и терзаем душевной тревогой, ощущением своей ничтожности перед безапогодичным эпохой. Лирическому герою поэмы не нужны “льстивых свеч хвалы”; более всего он ценит в людях доброту, ум, совесть, но, охватывая единым взглядом вселенную, повсюду видит иное: власть злобной корысти (“для жадных грудь земли сверяет, как червь, люди”); звериный лик зависти (“Я видел: зависть глаз таплась хищной рысью”); восхваления глупости (“и славится ли ум, где щучья голова”); ненадную эксплуатацию бедняков, “когда любой “король” асфальта иль железа труды миллионов рук глотает каждый миг”. Человечество настолько погрязло в своих грехах, что неизбежна всеобщая катастрофа, когда высшие силы решат “сжечь зменный род всевидящим крылом”. Шагом к Апокалипсису поэт видит и революцию, сравнивая ее с “красным громом”, поджигающим “деревни, города, дворцы, леса и храмы”:

И время-кочегар заждавшейся лопатой
Огруживает мир над вспыхнувшим
костром.

Размышления о бытии Бога, бессмертии души и свободе воли приводят поэта к насыщенному этикой идеями древнеиндийскому эпосу “Махабхарата”, главное действующее лицо которого появляется и на страницах поэмы (“Не Пышность ли идет в лохмотьях Дамаянти”). Но, хотя в поэме “Мешок алмазов” на первом месте стоят эстетические проблемы, говорить о разработанной системе философских взглядов было бы преждевременным. Характерные для поэмы “Мешок алмазов” размышления на тему человека и смерти имеют аналогию не только в индийской литературе, но и в диалогах Платона, в раннехристианских произведениях, и здесь приходится говорить об определенных заимствованиях или влияниях. Просто в “Мешке алмазов” поднимается много “вечных” вопросов, всегда волновавших человека. Высшую деятельность человека лирический герой поэмы видит в энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей, и заканчивает произведение обращением к читателю всегда помнить об этом предназначении человека, ведь “и Ты и Я — мы песнь в странице звездных книг”.

Свойственные Ганнину-романтику склонность к мечтательности, стремление выявлять таинственные, эмоциональные моменты жизни, культ интуиции не могли не привлечь к нему внимания тех теоретиков литературы, которые приветствовали превращение слова в символический намек на мир иной, трансцендентный, мистический. Одним из них был Н.Я.Абрамович, автор “Литературно-критических очерков” (Санкт-Петербург, 1909), где он поместил статью: “Мотивы мистики и реализма в творчестве Пушкина”, “Мистицизм в творчестве Лескова”, “Мир откровенный мистического индивидуализма” и пр. Н.Я.Абрамович исходил из убеждений, что художник должен, сообразуясь с красотой своего вымысла, вновь по-своему соединять разрозненные элементы действительности, пересоздавать жизнь. Эти черты он нашел в творчестве Ганнина, о чем не преминул высказаться при встрече. Ганни ответил дарственной надписью на книгу “Мешок алмазов”: “Николаю Яковлевичу Абрамовичу, первому, кто с восторгом и любовью заглянул в мою песенную душу и открыл ее новой силой в знак искреннего уважения. А.Ганни. Москва, 1921 г., май”.

В книгу “Мешок алмазов”, опубликованную в Вологде в 1921 году, А.Ганни включил стихотворения с традиционными “символистскими”, вневременными представлениями и ощущениями, где безграничность творческих проявлений интеллекта была поставле-

на выше однообразной, раз навсегда застывшей правды действительности. В разделах “Раскованный мир”, “Священный ключ”, “Золотое безделье”, “В огне и славе” были представлены написанные в разные годы произведения, в которых были особенно интенсивно выражены идеи и настроения романтизма, как в этом, написанном в 1916 году и пронизанном тревожным ожиданием грядущих перемен стихотворении:

Бродит желтых пожарищ огонь
Вместо зорь по небесной пустыне.
В травах кровью дымящийся иней...
Смерть из трупов возводит свой трон.

После прочтения книги Ганна “Мешок алмазов” (ей предшествовали изданные литографским способом в 1920 году в Вологде сборники стихов “Вечер”, “В огне и славе”, “Красный час”, “Золотое безделье”, “Священный ключ”, “Певучий берег”, “Раскованный мир”, чье содержание вошло в “Мешок алмазов” в виде одноименных циклов стихов) у читателя создавалось ошибочное представление о Ганне-поэте как о защитнике воинствующего индивидуализма и эстетства, готового ради поэтического эффекта придавать характер абсолюта загадочности бытия, таинственному смыслу его мгновений. По-видимому, Ганн слишком упрощенно воспринимал характерное для имажинистов определение поэзии как “искусства сочетания самовитых слов” и советы лидеров “русского формализма” сбросить “со слов их содержание и смысл, которые жеваной бумагой облепили чистый образ слова” (В.Шершеневич).

Бедой Ганна было то, что он долгие годы писал преимущественно “в стол”, лишь изредка публиковал стихи в периодической печати и первые несколько сборников опубликовал уже в зрелом для поэта возрасте. Ганну в этот момент было 27 лет, а читатель получал представление о его творчестве по стихам, написанным в годы ученичества или в кратковременный период увлечения имажинизмом. Поэт невольно искажал представление о себе, когда отбирал для книжных публикаций 1920—1921 годов произведения с явными бальмонтовско-северянскими реминисценциями, искренне заблуждаясь в природе своего дарования.

Между тем за пределами первых книг Ганна оставались произведения, которые убеждали, что его истинным призванием была лирическая поэзия в самом широком смысле этого слова. Интенсивность лирического чувства в стихотворении “Певучий берег”, музыка ритмов и слов стихотворений “Предутрие” и “В нагих полях бредет в сермяге День”, проанализированных выше, предвещали появление в русской литературе поэта, по масштабу своего таланта не уступавшего

С.Есенину. Дарование Ганна, как найденный в шурфе алмаз, нуждается в огранке, и тогда бы оно заиграло всеми гранями и поразило бы мир необыкновенной красотой и мощью. Но хотя из-за трагически сложившейся судьбы этого не случилось, Ганн успел в отведенные ему после революции несколько лет творческой жизни обозначить в своем творчестве движение от призывно-романтических стихотворений и поэм, замешенных на религиозно-мифических сюжетах, к подчеркнuto реалистическим, постигавшим “душу” народную, воссоздавшим поэтический образ крестьянской России.

Написанное в июле 1918 года стихотворение “Покос” (с посвящением Анатолию Субботину опубликовано в вологодском журнале “Кооперация Севера”, 1922, № 12) насыщено лирикой интимного единения поэта с природой:

И я, и солнышко —
мой ясноглазый друг —
Встаем от сна, улыбочные, рано...
Разбудим день. Оно возьмет туманы.
А я — косить цветной широкий луг.

Ощущение полноты жизни, гармонии человеческого бытия одухотворяет рисуемые поэтом картины крестьянской работы:

И весел труд. Коса остро и звонко
По шееку трав хрустит до полудня.
И не понять, где песня жаворонка,
Там, в синеве, иль в сердце у меня?

По всему чувствуется, что поэту очень дорог вот этот “лад” в совместной крестьянской работе и более всего он хотел бы увидеть такое же согласие и в повседневной деревенской жизни, самой справедливой организацией которой, на его представление, была и остается общинная модель социального устройства “мира”.

В представлении Ганна, когда он писал о деревне, всегда присутствовала цепь предшествующих поколений, осознаваемая им как опора в жизни. В его произведениях часто встречаются ссылки на отца, мать, бабушку и деда, которых он искренне любил и которым был благодарен за счастливые мгновения детства. Поэма “Памяти деда”, написанная в феврале 1918 года после скоропостижной смерти родного человека, захватывает искренностью, драматизмом своей лирики и звучит как реквием русскому крестьянству. Поэт прощается с тем поколением земледельцев, которые обладали огромным духовным потенциалом и для жизненной философии которых были характерны независимость, презрение в суетным благам мира, верность идеалам справедливости, любовь к родине:

Сквозь голубые глаза
п небу,
п высокому Солнцу,
и каждой былinke,
п птахе
тысячи дней улыбалось Дедово сердце.

Первым в русской поэзии Севера Ганни обратился к свободному стиху, поскольку переполнявшее его душу чувство горечи и печали не укладывалось в строгие рифмы и искало иную, "вольную" форму изложения. Белый нерифмованный стих требует от автора исключительной образности мышления и врожденного чувства музыкальности. Классическим образцом свободного стиха в русской поэзии начала XX века стало стихотворение А.А.Блока "Она пришла с мороза...", как и многие другие подобного рода произведения, насыщенное высоким романтическим чувством. Верлибр стал приметой изысканных, тонких переживаний горожанина, и Ганни шел на определенный риск, когда героем поэмы сделал старого крестьянина. Но сила обуревавших поэта чувств в день похорон Деда была столь велика, что высекла строки, наполненные необычайной выразительностью, напоенные музыкой тихой печали любви. Жизнь старого крестьянина предстает перед читателем как философская притча о бесконечности круговорота природы, о религиозной целостности мироздания. Поэма овеяна ностальгией по светлой, здоровой, праведной жизни предков, для которых была "раскрыта зеленая книга земли". Смерть Деда — это в представлении поэта и гибель крестьянской вселенной, что подчеркивается метафорическим образом лебединой стаи:

И видит: из груди, что ветер,
летит лебединое стадо —
земные заботы,
печали.

Поэма была одной из любимых, он читал ее в Москве на литературных вечерах, выступая вместе с С.Есениным. Впоследствии в ряде стихотворений он вновь и вновь обращался к теме гибели "космоса" русской жизни, которая рушилась на глазах под воздействием жестокосердного времени. Действительность давала слишком мало материала для жизнерадостной лирики, и большая часть "деревенской" поэзии Ганни овеяна грустным чувством прощания с сельской идиллией. Печальная музыка стихотворения "Зубастый серп прошел по ниве зрелой" рождается из совокупности окрашенных грустной тональностью этюдов угасающей природы:

Уж в поле холодно. На рваной туче
Присядет солнце, бросит снап лучей.

Встряхнется ветер в пивьяке плакучем,
И тонким льдом заискрится ручей.

Предчувствие беды претворяется у Ганни в символическую картину деревни, которую укрыл "туман, как саван белый".

О неблагоприятии северной деревни Ганни знал "из первых рук": по окончании гражданской войны на Севере он работал в культпросветотделе 6-й армии в Вологде, куда стекалась информация о бедственном положении дел на местах. Политика "военного коммунизма" привела к тому, что на селе начались конфликты между кооператорами и местными советскими организациями, стремившимися к превращению кооперации в составную часть государственного аппарата. Между тем именно с кооперацией сам Ганни связывал надежды на развитие крестьянской инициативы и самостоятельности. Его желание помочь односельчанам в выборе пути было столь велико, что он обращается к жанру прозы. Действие романа Ганни "Завтра" ("Описание жизни деревни Загнетина прошлой, настоящей и будущей") развивается в течение одного дня, начиная от восхода солнца, и сюжетным нервом произведения становится обретающее аллегорический смысл движение загнетинских крестьян от своих сенокосных угодий — через болото — к родной деревне. Тут все имеет свое скрытое значение: и то, что крестьяне идут по широкой, как сама жизнь, проложенной с востока на запад просеке, оставляя за собой золоченую маковку Дионисия Глушицкого; и то, что путь они держат не куда-либо в "белые скиты", а к родному дому, чтобы там своими мозолистыми руками построить лучшее будущее. Ритм безостановочного движения к цели непрерывно нарастает и постепенно поднимает себе многие, казалось бы, случайные, разбросанные здесь и там мелкие эпизоды, отрывки разговоров, случаи, воспоминания о прошлом и размышления о будущем. На этом тернистом пути идет проверка жизнестойкости, выдержки, коллективного разума. Опубликованный на страницах вологодского журнала "Кооперация Севера" (1923, № 15-16, 17-18) роман "Завтра" носит характер философской притчи: будничная история "хождение" героев явственно тяготеет к иносказательному обобщению трудных исканий человеком своего идеала счастья (подробный анализ романа сделан нами в статье "Алексей Ганни — прозаик" на страницах журнала "Север", 1980, № 12).

Сам автор рассматривает публикацию как начало работы над большим произведением, которое бы охватывало "жизнь России в целом за последние двадцать лет и действие в котором разыгрывается, в отличие от всех существующих романов, не на любовной

интриге, а на социально-экономических условиях”²

У Ганина было много и других замыслов (один из самых романтических — создать несколько художественно-драматических хроник типа “Освобождение рабов” из жизни эллинистического Рима), но в последние пять лет жизни главной для него была все-таки тема северного крестьянства. Он воспринимался современниками прежде всего как “крестьянский” поэт, и не удивительно, что когда в 1918 году инициативная группа в составе С.Есенина, С.Клычкова, С.Коненкова и П.Орешина обратилась в Московский Пролеткульт с заявлением, предлагающим образовать крестьянскую секцию, то в перечне имен и фамилий “на должностные роли в этой секции”, составленном лично С.Есениным, первым стояла фамилия Алексея Ганина³.

Однако эта инициатива не слишком понравилась руководителям Пролеткульта, и они отложили решение в “долгий ящик”.

Так потерпела неудачу очередная попытка Ганина вырваться в Москву. Между тем после окончания гражданской войны обстоятельства складывались неблагоприятно для поэта. Книги его стихов, изданные в 1920-1921 годах в Вологде литографическим способом, остались не замеченными литературной критикой. Он не имел постоянного заработка и вместе с семьей жил в нищете. Лишь немногие из вологодских литераторов понимали и душевно поддерживали Ганина. Одним из них был крестьянский сын Анатолий Субботин, начинавший литературный путь как поэт и выступивший в Вологде сборник стихов “Ливень” (1921). В знак искренней дружбы одно из стихотворений сборника — “Голубиный рог” А.Субботин посвятил Ганину. Изредка Ганин выступал на проходивших в Вологде вечерах современной пролетарской поэзии вместе с приезжавшими из Москвы писателями В.Александровским, В.Кирилловым, С.Обрадовичем, С.Родовым и другими. От них он узнавал последние литературные новости и в том числе — о судьбе своего друга С.Есенина, который к тому времени, оставив Э.Райх, женился на известной танцовщице Айседоре Дункан и 10 мая 1922 года уехал за границу.

Свои надежды на приобщение к “большой” литературной жизни Ганин безусловно связывал с С.Есениным, и для него эти полтора года, пока друг путешествовал по Америке и Европе, показались очень долгими.

В августе 1923 года С.Есенин вернулся в

² Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича. “Паш современник”, 1992. № 4. с.160.

³ Базанов В.Г. Эпизод в истории создания литературных объединений крестьянских писателей. “Русская литература”, 1972. № 3. с.165.

Москву и сразу же стал предпринимать шаги по созданию объединения крестьянских писателей. В конце октября 1923 года инициативная группа писателей (С.Есенин, П.Карпов, Ив.Касаткин, С.Клычков, Н.Клюев, П.Орешин, П.Радимов, А.Чапыгин, А.Ширяев) обратилась в ЦК РКП(б) с заявлением, в котором просила предоставить им возможность самостоятельно издавать свои книги и предоставить право “пользоваться самостоятельной сметой при Госиздате на тридцать печатных листов в месяц, с самостоятельной редакцией из представителей нашей группы и самостоятельным распределением печатного материала”. По всей видимости, С.Есенин заранее поставил в известность Ганина о своей инициативе и пригласил друга к участию в издательском проекте. Ганин в сентябре срочно выехал в Москву, где оказался “без кола и без двора”, не имея никаких средств к существованию. “Из дома я уехал самое большее на неделю. Устроиться здесь и потом уже перебраться, — сообщал Ганин следовательно об обстоятельствах приезда в Москву. — А проходил третий месяц. Дома оставалась ни с чем жена и двухлетняя дочь, перенесшая потом тяжелую дизентерию, а жена все еще тосковала о маленьком сыне, умершем в то же время и тоже от дизентерии... Я оказался в крайне отчаянном положении: без работы, без комнаты, без денег. И так продолжалось с 1923 года, с сентября месяца, до дня ареста. Питался я большей частью в кафе Союза поэтов “Домино”. Позднее — “Альказар” и “Стоило Пегаса”. А ночевал — где застигнет ночь... Вечера до глубокой ночи проводил в кафе, в пивных, а ночевать уходил к моему бывшему другу поэту Есенину, в дом “Правды” по Брюсовскому переулку... Ночевал в то время и в той же квартире поэт Клюев...”.

25 октября 1923 года Ганин вместе с С.Есениным и П.Клюевым выступал в Доме ученых на “Вечере русского стиля”. Есенин читал “Москву кабацкую”, Клюев — “Песни на крови”, Ганин — “Памяти деда”. Вечер этот состоялся в пятую годовщину Октябрьской революции, в тяжелейшее для русской национальной культуры время, когда усилиями большевиков была разрушена привычная жизнь, изменен и перепластован древний образ России.

Все трое выступивших на “Вечере русского стиля” и не предполагали, что они уже помечены в соответствующих картотеках и что жить им остались считанные годы. Все они позднее были ликвидированы как “чужеродный” для пролетарской России материал, и прежде всего — по причине их верности православному сознанию и национальной русской идее. Но тогда, поздней осенью 1923 года, они жили иллюзиями “царства свободы”, все еще полагая, что раз старый мир кончился, то теперь, когда на смену ему пришло новое и

небывалое, можно открыто говорить о спасении души России, славить "русский стиль".

20 ноября 1923 года четыре поэта — Сергей Есенин, Сергей Клычков, Петр Орешин и Алексей Ганин, будучи в кафе "Стоило Пегаса", в оживленной беседе затронули вопрос о засилье людей, которые нигилистически относятся к богатейшему наследию русской культуры и однако берут на себя смелость быть "вершителями судеб" литературы послеволюционной России. Один из сидевших в зале "сочувствующий Соввласти и РКП(б)" некто Марк Родкин, подслушав разговор, громогласно обвинил поэтов в антисемитизме и вызвал милицию, которая забрала их в участок¹.

Этот инцидент произошел после подписания Лениным составленного Я.Свердловым постановления об антисемитизме, по которому были арестованы и расстреляны многие тысячи русских людей. Дело об антисемитизме Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина обростало в Москве слухами и сопровождалось клеветническими фельетонами в московских газетах. По предположению Ст.Куняева, поэтов спасло тогда лишь одно обстоятельство: среди них был популярный во всем народе Есенин. Власть ограничилась товарищеским судом над четырьмя поэтами да угрозой запретить им заниматься литературной деятельностью... После суда истерзанный травлей Есенин был помещен в больницу, и положение Ганина, оставшегося один на один со своими проблемами в насыщенной доносчиками Москве, еще более усугубилось.

Все свои надежды Ганин возлагал на издание в Москве первой большой книги, которую решил назвать "Былинное поле". Он включил в рукопись многие стихотворения и поэмы, написанные им за десять лет литературной деятельности. Книга вышла в Москве в 1924 году тиражом в тысячу экземпляров, и ее "ударным" материалом стала поэма "Былинное поле", над которой Ганин работал с 1917 по 1923 год. В отличие от многих других поэм Ганина, "Былинное поле" вводило читателя в особый условно-исторический эпический мир, который строился по законам устной исторической памяти и народного художественного мышления. В начале поэмы ее герой, правнук знаменитого былинного персонажа Микулы Селянниновича, рано поутру начинает пахоту "древнего поля", мечтая

Доехать до края земли,
Где синие роши в туман прилегли,
Где вольная воля,
И Лады кольцо золотое.

Из многих былинных персонажей, с которыми мог бы "породниться" герой поэмы, Га-

нин выбирает Микулу Селянниновича. Эпические повествования об этом "старшем богатыре" существовали задолго до княжения Владимира Святославовича (годы правления 980—1015). По предположению ученых, далекий поэтический предшественник Микулы Селянниновича был "божественным пахарем", научившим народ земледелию. В одном из вариантов былины "Святогор и Микула Селяннинович" сумочка, которую не мог поднять Святогор, принадлежит Микуле Селянниновичу, пахарю. В записанной Гильфердингом от И.А.Касьянова былине "Вольга и Микула" Микула демонстрирует свое превосходство над Вольгой и его дружиной и только затем соглашается помогать князю. Былина о Вольге и Микуле, воспевавшая красоту крестьянского труда, была в репертуаре Т.Г.Рябинина:

А орет в поле ратаи, нонукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого не выдать.
То коренья-каменя вывертывает,
Да великие он каменя все
в борозду валит.

Анализируя текст былины, фольклористы разных поколений обращали внимание на ее новгородское происхождение, ибо только на Северо-Западе России, где наши усеяны валунами, соха Микулы Селянниновича могла "коренья-каменя вывертывать". В русской литературе на рубеже веков образ Микулы Селянниновича ассоциировался с русским крестьянством.

Ганин обращается к фольклорным традициям предшествовавших столетий с надеждой, что ему удастся всколыхнуть память народа о своем прошлом, напомнить о непрерывности богатырских поколений на Руси и предостеречь об опасности, угрожающей "былинному полю" русской нации. Торжественно-напевный и ритмически организованный язык поэмы близок составу поэтического языка былин и его художественным средствам — сравнениям, метафорам, эпитетам. Картина крестьянской пахоты исполнена в чисто "рябининских" красках.

Как былине Т.Г.Рябинина о Вольге и Микуле, так и поэме Ганина "Былинное поле" свойственны характерные для эпической поэзии повторы, синонимические пары, поддержание симметрии в чередующихся стихах. Ганин в совершенстве овладел былинным стихом, всеми нюансами былинного стиля. И вместе с тем, обладая яркой поэтической индивидуальностью, Ганин не ограничивается повторением и варьированием устоявшихся стереотипов и обширного набора формул, а смело идет на обогащение привычных способов выразительности.

Работая над "Былинным полем", Ганин стремился использовать былинный стих для

¹ См. об этом: Белоконь Аи. Дело четырех поэтов. "Север". 1993. № 10. с.120 -131.

выражения сокровенных дум о трагическом состоянии русского народа в послереволюционный период. Мысли, обуревавшие поэта в пору работы над последней книгой, с предельной откровенностью выражены в написанных в том же 1924 году рукой Ганнина тезисах "Мир и свободный труд — народам":

"При существующей государственной системе в России Россия, это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа, вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Ясный дух народа предательски ослеплен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого убеждает в том, что если не предпринять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу неслыханная нищета, экономические рабство и вырождение".

Обобщенный образ Родины воплощается в поэме Ганнина характерным для поэтов-символистов способом: через приобретающий мистический ореол культ женщины — светлой Лады-Зари, которая "лебедем красным плыла над дубравой". В чем-то ганнинская Лада близка созданным Блоком в духе "мистической философии" образам Прекрасной незнакомки, Властноокой жены, Вечной женственности. Среди ее предшественниц — таинственно-прекрасная Дубравна и древняя богиня весны и плодородия Лада из сборников стихов С.Клычкова "Песни" (1911), "Потаенный сад" (1913) и "Кольцо Лады" (1919). Поэты переносят черты женского образа на Россию с ее прекрасной и трагической судьбой.

Начало поэмы "Былинное поле" развивается по обычным схемам эпических песен о сватовстве: правнук Миккулы видит свою суженую Ладу издали "во ржи васильковой"; он знает, что она предназначена тому, кто одолеет ее, выкажет свою удаль, и потому работает на пахоте так, что "взрывается бугор за бугром". На подмогу он зовет "мужицкую рать", и вот уже "с запечей повывлезла сонная Русь", загудели села, выехала "черносошная конница":

Ладу на поля дожидаются,
чтоб высватать Красоту за лапотника,
а небо и землю взять в приданое.

Ганнин Алексей. Мир и свободный труд — народам: Тезисы. "Наш современник". 1992. № 1, с.168.

В соответствии с древней эпической традицией ганнинская Лада (как и Марья лебедь белая в записанной Гильфердингом быльине "Михайло Потык") принадлежит "иному" миру и обладает волшебными, колдовскими качествами:

Да что мне богатства! Тряхну рукавом,
алмазы и золото будут кругом...

Для "черносошной конницы" предстоящая свадьба Лады-Зари и правнука Миккулы — это исполнение давней мечты о соединении "неба и земли", возвышенного идеала святой Руси — и земледельческого труда...

Но на пути к "трудолюбному завтрюю" встает "нежить лесная, рогатая, подводная, сухорукая", которая "развесила над селами кровавые ключья заплат", раскинула "огненные олетн", накиннулась на пахарей "в запыхе злом" и стала "путать следы человеческих дум", "веру по крошечке выживывать":

Злобой да ленью загадили Древнее поле,
Пахарю забыли про Ладу-красу,
про вольную волю,
про свадьбу великую,
где бы солнце с землей породнилось
через правнука Миккулы Вихрастого.

После того как "распалась великая рать, черносошная сила", правнуку Миккулы ничего не остается делать, как покинуть эту предавшую его землю и в поисках Лады-Зари уйти в иной мир, в царство смерти:

А правнук Миккулы прощальное крикнул
Заре —
И скорел!

Известно, что по древним представлениям, чтобы оживить умершего, надо победить подземного змея, врага, уничтожить "нежить". Ганнин надеется на такой исход и заканчивает поэму исполненными надеждой в возрождение России словами, что "светлая Лада через тысячи лет, да объявится".

Опубликованная в 1924 году, поэма "Былинное поле" оказалась в самой сердцеvine разгоревшихся после смерти Ленина острейших споров об устройстве послереволюционной России. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, к чему клонит автор, скорбно сетующий на ослепленность ясного духа народа, утерю человеческой совести, смертельную агонию когда-то могущественного государства.

Поэт Алексей Ганнин действительно обладал предчувствием будущего, но оценить его провидческую зоркость смогли только через семьдесят лет. Современники же поэта и его поэму "Былинное поле", с одноименный сборник оставили без внимания. Поэт обо-

стренно ощущал противоречие между огромным запасом творческой энергии и невозможностью реализовать свои замыслы.

Все кипело в душе поэта, но пойти к старому другу С.Есенину и высказаться о набравшем становилось все труднее. После ареста четырех поэтов 21 ноября 1923 года "по обвинению в антисемитской агитации" и последовавшей за тем яростной травли вокруг С.Есенина стал усиливаться "доброхотом" создаваться своеобразный "санитарный кордон", чтобы изолировать его от старых приятелей Н.Клюева и А. Ганина, которых прокоммунистически настроенные литературоведы долгие десятилетия именовали не иначе как "друзья-могильщики".

Для Ганина было невозможно даже на словах признать "великую правду коммунизма", и он естественным образом входит в среду начинающих московских литераторов и журналистов, объединенных неприятием избранного Россией послереволюционного пути.

18 октября 1924 года Ганин заканчивает работу над тезисами "Мир и свободный труд — народам", где в сжатой форме излагает план действий патриотически мыслящих людей. Он предлагает путем распространения воззваний и прокламаций, речей и бесед дискредитировать деятельность советского правительства, творящего "ничем не оправданный произвол и дикое издевательство над жизнью и трудом народа, над его духовно-историческими святынями". В качестве новых принципов государственности, защиты прав человека Ганин предлагает признать право собственности; усилить пропаганду государственно-национальных идей; объединить "всех крепких и стойких людей, нежно любящих свою родину", в партию, целью которой будет "великое возрождение Великой России"; осуществить на деле "идею великого земского собора".

Завершая "тезисы" выражением твердой уверенности, что "близок конец страданиям и радостно будет освобождение", Ганин не

мог предполагать, насколько тяжкий и мучительный путь предстоит пройти России, прежде чем она сможет "развернуть свои еще непочатые силы на путь духовного и экономического творчества". Он не мог знать, что обо всем высказанном и написанном им уже строчатся доносы, что он попал в сети вездесущих чекистов, что остался один шаг до "разрушения и смерти", привычного оружия власти.

Ордер на арест Ганина был подписан 1 ноября 1924 года Генрихом Ягодой. Как сообщает Станислав Куняев, благодаря усилиям которого стали известны обстоятельства расправы над поэтом, Ганину инкриминировали руководство "орденом русских фашистов" и вместе с шестью товарищами расстреляли 30 марта 1925 года. В том же году погиб С.Есенин. Позднее в Сибири казнили Н.Клюева.

Ослепление "ясного духа народа" новая власть начала с уничтожения тех, кто сохранил человеческую совесть, с ужасом вел счет великим бедствиям и страданиям народа.

В одном из своих последних стихотворений "Отход" Ганин подводил итоги тридцати прожитых лет и, словно предчувствуя спрятавшуюся в "волчьей яме" беду, писал:

Пусть снова вороном хлестнется ночь
 в поля
 и в добрых снах меня забудут люди,
 мой голос в ветре, в звездах
 слышен будет...
 Я в вечность отхожу с тропинки бытия.

Распаханное Алексеем Ганиным "былинное поле" русской литературы усилиями последующих поколений писателей-северян дало превосходные всходы и породило тесно связанную с классическим фондом русского эпического творчества, с традициями национальной культуры поэзию, объединенную единой целью — "великим возрождением Великой России".